

Почему критика выдохлась? От фактов к вопросам, вызывающим озабоченность

БРУНО ЛАТУР (1947–2022)

Французский антрополог, социолог и философ.

Ключевые слова: социальный конструктивизм; реализм в исследованиях науки; производство фактов; ревизионизм; теории заговора; климатический негационизм.

Статья предлагает переосмысление понятия критики в том виде, в каком она сложилась в социальных науках в начале XXI века. Бруно Латур полагает, что критика в значительной мере утратила свой объяснительный потенциал и стала препятствием для реакции на новые вызовы и угрозы. Он предлагает радикальный пересмотр как инструментов, так и объектов критического анализа и отмечает появление феномена «безотлагательного ревизионизма», когда псевдокритический анализ подвергает сомнению любые установленные наукой или юриспруденцией факты, имитируя тем самым процедуры социологии науки, которые сам Латур широко использовал в своих работах в 1980–1990-х годах. Он констатирует превращение критических процедур из атрибута элитарной академической культуры в ключевой элемент различных теорий заговора, которые распространились с появлением социальных сетей и альтернативных источников информации.

Латур подчеркивает, что теории заговора и «безотлагательный ревизионизм»

стали инструментом в руках политических сил, стремящихся поставить под сомнение сложившийся научный консенсус по поводу ключевой роли антропогенных факторов в изменении климата. Вместе с тем он считает невозможным возвращение к докритическому реализму, не принимающему в расчет сложную процедуру производства фактов, которая при этом не равнозначна так называемому социальному конструктивизму. Для выхода из кризиса Латур предлагает постепенный переход от устаревшего понятия фактов к новой концепции вопросов, вызывающих озабоченность. Новый подход позволит одновременно принимать в расчет сложную процедуру производства новых сущностей и взаимодействие различных человеческих и нечеловеческих акторов. Одновременно с этим он позволит признать нерелевантными возражения по поводу уже установленных положений дел и принять на вооружение подлинно реалистическую установку, сочетающую в себе достоинства критической методологии и нового прагматизма.

В ОЙНЫ. Столько войн. Конфликты внешние и внутренние. Войны культурные, научные и войны с терроризмом. Война с бедностью и война с бедными. Войны с невежеством и войны от невежества. Я спрашиваю себя: стоит ли воевать и нам, ученым, интеллектуалам? Неужели наш долг действительно в том, чтобы оставлять новые руины там, где все и так ими покрыто? Неужели задача гуманитарных наук в том, чтобы к деструкции добавить деконструкцию? Новое иконоборчество к старому? Что же стало с духом критики? Неужели она выдохлась?

Я начинаю подозревать, что критика неверно выбрала цель — и это меня беспокоит. Давайте и дальше использовать соответствующую духу времени метафору: знатоки военного дела постоянно совершенствуют и пересматривают свои учения о стратегии, планы действий в нештатной ситуации, размер, траекторию и технологическую начинку своих снарядов, бомб с лазерной системой наведения и ракет; тогда почему же мы и только мы обходимся без подобной ревизии? Как мне кажется, академическое сообщество не проявляет особой находчивости по отношению к новым угрозам и опасностям, новым целям и задачам. Не походили ли мы на те механические игрушки, что вновь и вновь повторяют один и тот же жест, когда вокруг все изменилось? Представьте, как было бы ужасно, если бы мы учили нашу молодежь — да, наших юных рекрутов, кадетов — вести войны, которые уже невозможны, сражаться с давно исчезнувшими врагами, завоевывать уже не существующие территории, совершенно не подготовив их к новым угрозам, которые мы не предусмотрели и к которым мы сами совершенно не готовы? Генералов всегда упрекали в том, что они

Перевод с английского Полины Маркиной по изданию: © Latour B. *Why Critique Run Out of Steam? From Matters of Fact to Matters of Concern* // *Critical Inquiry*. 2004. Vol. 30. № 2. P. 235–248.

Посвящается Грэму Харману. Этот текст создавался при подготовке к президентской лекции в Стэнфорде, состоявшейся в центре гуманитарных наук 7 апреля 2003 года. Я хочу выразить искреннюю благодарность гарвардским докторантам, специализирующимся в области истории науки, за множество идей, высказанных во время дискуссий на затронутые в тексте темы в течение того семестра.

готовы только к прошлой войне, — особенно французских генералов и особенно в наши дни. Разве мы бы удивились, если бы вдруг выяснилось, что интеллектуалы точно так же запаздывают ровно на одну войну, на один виток критики — особенно французские интеллектуалы, особенно сегодня? Прошло много времени с тех пор, когда интеллектуалы были в авангарде. Да и, пожалуй, само понятие авангарда — будь то пролетарского или художественного — вышло из употребления, вытеснено другими силами, застряло в арьергарде, а то и вовсе свалено как попало в обозе¹. Да, мы все еще можем воспроизводить ритуалы критического авангарда, соблюдая все формальности, но жив ли его дух?

В эти темные времена я хотел бы выделить некоторые важные темы, но не для того, чтобы еще больше расстроить читателя, а чтобы попробовать продвинуться хотя бы на шаг и как можно скорее найти нашим скромным силам новое применение. В доказательство я приведу не столько факты, сколько едва заметные знаки и намеки, навязчивые сомнения, красноречивые и смущающие приметы. Так что же произошло с критикой, если в передовице *New York Times* говорится:

Большинство ученых считают, что [глобальное] потепление вызвано в основном загрязняющими веществами искусственного происхождения, оборот которых необходимо строго контролировать. Г-н Лунц [аналитик Республиканской партии], как видно, соглашается с этим, отмечая, что «научный спор завершается не в нашу пользу». Однако он советует помнить и всячески подчеркивает, что предоставленных доказательств недостаточно. «Если общественность посчитает научные вопросы решенными, — пишет он, — то ее взгляды на глобальное потепление изменятся соответствующим образом. Поэтому следует по-прежнему считать *недостаток научной достоверности* основной проблемой».²

1. О том, что случилось с авангардом и критикой в целом, подробнее сказано в: *Iconoclasm: Beyond the Image Wars in Science, Religion and Art* / B. Latour, P. Weibel (eds). Cambridge, MA: MIT Press, 2002. Эта статья в значительной степени представляет собой исследование других возможностей помимо иконоборческих войн.
2. *Environmental Word Games* // *New York Times*. 15.03.2003. P. A16. Кажется, Лунцу сопутствовал успех; позже я прочел в передовице *Wall Street Journal*: «Есть выход получше [чем принятие ограничивающего свободу предпринимательства закона], а именно продолжать спор о сравнительных достоинствах. Ученые не достигли согласия в вопросе о том, являются ли парниковые газы причиной не столь ярко выраженной тенденции к глобальному потеплению, и тем более в вопросе о том, принесет

Как вам такое? Искусственное поддержание научного спора в поддержку «новой экологической антинауки» (*brownlash*³), как выразились бы Пол и Анна Эрлич⁴.

Теперь-то вы понимаете, что меня беспокоит? Я ведь и сам в прошлом потратил немало времени на демонстрацию «недостатка научной достоверности», этого неизменного спутника конструирования фактов. Я так же видел в нем «основную проблему». Но я не собирался дурачить публику, скрывая от нее достоверность решающего довода, — или все же дурачил? Ведь в конечном счете именно этот грех мне вменяли в вину? Но мне все же хотелось бы верить, что, напротив, я стремился *освободить* публику от власти преждевременно натурализованных и объективированных фактов. Неужели я столь безрассудно заблуждался? Неужели ситуация изменилась так быстро?

Но в этом случае опасность представляет уже не избыточное доверие к идеологическим аргументам, маскирующимся под факты (*matters of fact*) — с этим мы научились эффективно бороться, — а избыточное недоверие к подлинным фактам, замаскированным под порочные идеологические предубеждения! Потратив годы на попытки выявить реальные предрассудки, скрытые за иллюзией объективных утверждений, должны ли мы теперь выявлять объективные и неопровержимые факты, что скрываются за *миражом* предрассудков? У нас ведь по-прежнему есть целые докторские программы, в рамках которых славное юношество должно на своем горьком опыте убедиться в том, что факты сфабрикованы, и не существует естественного, непосредственного, непредубежденного доступа к истине, что мы всегда находимся в плену у языка, всегда рассуждаем с той или иной точки зре-

ли потепление больше вреда, чем пользы, или сможем ли мы в принципе как-то повлиять на его ход. Если республиканцы согласятся с тем, что выброс парниковых газов следует контролировать, то поддержка более вредного для экономики регулирования станет лишь вопросом времени. Но всегда можно остаться верными своим принципам и вместо того, чтобы соглашаться, постараться вести просветительскую работу среди общест-венности» (A Republican Kyoto // Wall Street Journal. 08.04.2003. P. A14).

3. Буквально «коричневая критика» — политика по подпитке негативной реакции (*backlash*) на меры по защите окружающей среды (*green policies*), преднамеренная попытка свести на нет серьезность проблем окружающей среды при помощи искажения и подтасовки научных аргументов и данных. — Прим. ред.
4. Ehrlich P. R., Ehrlich A. H. Betrayal of Science and Reason: How Anti-Environmental Rhetoric Threatens Our Future. Washington, DC: Island Press, 1997. P. 1.

ния и так далее. Тогда как опасные экстремисты используют ту же самую аргументацию социального конструктивизма, чтобы разрушить доказательства, собранные столь тяжким трудом, а ведь они могли бы спасти нашу жизнь. Так правильно ли я поступил, внося свой вклад в изобретение дисциплины под названием «исследования науки» (*science studies*)? Достаточно ли сказать, что мы имели в виду вовсе не то, что мы высказали? Почему у меня с трудом поворачивается язык, когда я говорю, что глобальное потепление — это факт, нравится вам это или нет? Почему я не могу просто сказать, что спор окончен навсегда?

Следует ли мне успокоить себя тем, что «плохие парни» вольны использовать любое попавшееся им под руку оружие — будь то натурализованные факты или социальное конструирование — если оно им подходит? Следует ли нам извиняться за то, что с самого начала мы были не правы? Или следует скорее обратиться оружие критики против него самого и приступить к переоценке ценностей: к чему мы на самом деле стремились, когда так решительно демонстрировали социальную обусловленность научных фактов? В итоге не существует ничего, что гарантировало бы нам вечную правоту. Даже у критики нет надежной опоры. Но разве не это пытался донести критик: ничто не имеет надежного основания?⁵ Что, если тезис об отсутствии надежного основания у нас перехватывают самые что ни на есть «плохие парни», чтобы использовать его в борьбе против всего того, что нам дорого?

Искусственное поддержание споров — не единственный тревожный знак. Что стало с критикой, если французский генерал, да куда там, целый маршал критики в лице Жана Бодрийяра заявляет на страницах своей книги, что башни-близнецы обрушились под собственным весом, если можно так выразиться, подточенные присущим капитализму абсолютным нигилизмом, — словно самолеты террористов повела в самоубийственную атаку чудовищная сила притяжения этой черной дыры небытия?⁶ Что ста-

5. Метафору «зыбучих песков» использовали неомодернисты в своей критике социологии науки, см.: A House Built on Sand: Exposing Postmodernist Myths About Science / K. Noretta (ed.). N.Y.: Oxford University Press, 1998. Проблема в том, что авторы данного издания обратили свой взгляд в прошлое, пытаясь вернуться в прочный каменный замок модернизма, а не в будущее, которое я за отсутствием лучшего термина называю нонмодернизмом.

6. См.: Baudrillard J. "The Spirit of Terrorism" and "Requiem for the Twin Towers". N.Y.: Verso, 2002.

ло с критикой, если книга, в которой утверждается, что на Пентагон никогда не падал самолет, может стать бестселлером? Мне стыдно сказать, что ее автор француз, как и я⁷. Вы помните те старые добрые времена, когда ревизионизм запаздывал на десятилетия и показывался, только когда уже были в наличии твердо и основательно установленные факты, была собрана доказательная база? Теперь мы сталкиваемся с тем, что можно назвать «*безотлагательным ревизионизмом*». Еще не улеглась пыль, а десятки теорий заговора уже переписывают и деконструируют официальную версию событий, оставляя руины на месте прежних руин и напуская нового тумана там, где еще не развеялся старый. Что стало с критикой, если мой сосед по маленькой деревушке в Бурбонне снисходительно считает меня безнадежно наивным типом, ведь я верю, что США атаковали террористы? Помните старые добрые времена, когда университетские профессора могли смотреть свысока на неотесанных «простолудинов», потому что вся эта «деревенщина» наивно верила в церковь, материнскую любовь и яблочный пирог? Теперь все сильно изменилось, во всяком случае, в моей деревне. Теперь я последний, кто наивно верит в какие-то факты, потому что я хорошо образован, тогда как другие слишком *бесхитроутны* для подобной простоты: «Где ты пропал? Ты разве не знаешь, что за этим стоят Моссад и ЦРУ?». Что стало с критикой, если даже знаменитый Стенли Фиш, этот «враг обещаний», по выражению Линдси Уотерса, верит, что выступает в защиту исследований науки, моей области специализации, сравнивая законы физики с правилами бейсбола?⁸ Что стало с критикой после того, как возникла целая индустрия по опровержению высадки на Луну в рамках программы «Аполлон»? Что стало с критикой после того, как Управление перспективных исследовательских программ в области обороны использовало для своего проекта Полной информационной прозрачности лозунг Бэкона *scientia est potentia*⁹? Кажется, это было где-то у Фуко? Или формулу «знание-тире-сила» недавно кооптировало Агентство нацио-

7. См.: Мейссан Т. 11 сентября: чудовищная махинация. М.: Карно, 2003. Теории заговора существовали всегда; новизна безотлагательного ревизионизма в том, что он пытается симулировать большое количество научных доказательств.

8. См.: Waters L. *Enemies of Promise: Publishing, Perishing, and the Eclipse of Scholarship*. Chicago, IL: Prickly Paradigm Press, 2004. См. также: Paumgarten N. Dept. of Super Slo-Mo: No Flag on the Play // *The New Yorker*. 20.01.2003. P. 32.

9. «Знание — сила» (лат.).

нальной безопасности? Видимо, г-ну Риджу понравилось читать на ночь «Надзирать и наказывать»?

Позвольте мне немного побрюзжать. В чем действительно состоит разница между конспирологами и теми, кто продвигает популярную, то есть пригодную для преподавания, версию социальной критики, вдохновенную слишком беглым чтением, скажем, работ такого выдающегося социолога, как Пьер Бурдьё (вежливости ради я буду приводить в пример французских полковых командиров)? И те и другие научились с подозрением относиться ко всему, что говорят люди, ведь они, как нам всем известно, живут в плену полного *illusio* своих настоящих побуждений. Затем, когда воцарилось недоверие и требуется объяснить, что же происходит на самом деле, все они опять апеллируют к сокрытым во мраке и наделенным властью агентам, которые действуют последовательно и неуклонно. Разумеется, в академическом сообществе предпочитают апеллировать к более высоким побуждениям, таким как общество, дискурс, знание/сила, силовые поля, империи, капитализм — тогда как конспирологам по нраву живописать презренные своры алчных субъектов с самыми темными намерениями. Меня пугает сама структура аргументации, этот изначальный импульс недоверия, что сменяется чередой объяснений, берущих начало в темных глубинах причинно-следственных связей. Что, если объяснения, которые автоматически влекут за собой власть, общество, дискурс, изжили себя и теперь годятся лишь для критики самого наивного толка?¹⁰ Возможно, я слишком серьезно отношусь к теориям заговора, но я с тревогой замечаю многое из арсенала социальной критики в этой безумной смеси рефлекторного недоверия, педантичного требования доказательств и вольного использования объяснений, когда причины сводятся к действию властных сил из социального далека. Разумеется, в теории заговора используется искаженная до абсурда версия нашей аргументации, но подобно оружию, что попадает путем контрабанды через пло-

10. Как их серьезные, так и их популяризированные версии обладают одним недостатком: они используют общество как уже действующую причину, а не как возможное последствие. Именно в этом состояла критика Габриэля Тарда в адрес Эмиля Дюркгейма. Возможно, в ослаблении критики виноваты понятия общества и социального. Я пытался продемонстрировать это в моей статье под названием «Габриэль Тард и конец социального»: *Latour B. Gabriel Tarde and the End of Social // The Social in Question. New Bearings in History and the Social Sciences / P. Joyce (ed.). L.: Routledge, 2002. P. 117–132.*

хо охраняемую границу не в те руки, подобная аргументация все же остается оружием нашего производства. Несмотря на все переделки на нем легко узнать словно выгравированный на металле наш товарный знак: «сделано в Стране критики».

Вы понимаете, что меня беспокоит? Возможно, угрозы изменились настолько, что пока мы нацеливаем наши ракеты на восток или на запад, враг переместился в совершенно другое место. В конце концов, тонны ядерных боеголовок превращаются в тонны отходов, как только самым животрепещущим становится вопрос о том, как обороняться от боевиков, вооруженных канцелярскими ножами для картона или «грязными» бомбами. Почему нечто подобное не может произойти и с нашим арсеналом в виде нейтронных бомб деконструкции и ракет дискурс-анализа? Возможно, все дело в том, что критика прошла процесс миниатюризации подобно компьютерам? Мне всегда казалось, что то, что когда-то требовало огромных усилий, занимало просторные комнаты, для чего проливалось столько пота и на что тратилось столько ресурсов людьми вроде Ницше или Бенямина, теперь можно получить практически за бесценок — так и суперкомпьютерам 1950-х годов, занимавшим огромные залы, потреблявшим невероятное количество электроэнергии и выделявшим невероятное количество тепла, сейчас соответствуют по мощности дешевые машины размером не больше ногтя. Как гласит рекламный слоган недавнего голливудского блокбастера: «Все под подозрением... Все продается... Все не то, чем кажется».

Должно быть, вы гадаете, что это со мной? Возможно, еще один пример кризиса среднего возраста? Увы, средний возраст для меня давно позади. Или же это барский гнев из-за того, что критика стала популярной? Как если бы критика должна была оставаться элитарным занятием, то есть чем-то сложным и требующим серьезных усилий подобно альпинизму или яхтингу, — но если она стала доступна любому за копейки, то игра больше не стоит свеч? Чем так уж дурна «народная критика»? Мы же столько жаловались на эти доверчивые массы, проглатывающие натуризованные факты, разве честно теперь порицать те же массы за их, как бы лучше выразиться, «наивный критицизм»? Или, быть может, это просто безумие радикализма, вроде привычки революции пожирать своих детей? Или же мы были похожи на спятивших ученых, выпустивших вирус критики из своих лабораторий и бессильных остановить тот ущерб, что несет мутировавший вирус, поражающий все подряд? Или это очередной пример действия знаменитой способности капитализма перерабатывать

и брать в оборот все, что пытается его разрушить? Как показывают Люк Болтански и Эв Кьяпелло, новый дух капитализма нашел отличное применение художественной критике, которая была призвана его разрушить¹¹. Если твердолобый реакционный морализатор-буржуа, затягивающийся своей сигарой, может преобразиться в свободно парящего богемного агностика, с легкостью перемещающего свои мнения,двигающего капиталы и сети по всей планете, то почему он не может освоить самые изощренные средства деконструкции, социального конструктивизма, дискурс-анализа, постмодернизма, постологии?

Несмотря на свой тон, я не стремлюсь изменить ход вещей и стать реакционером. Я не сожалею о содеянном и не клянусь навеки отречься от конструктивизма. Я всего лишь хочу сделать то, чем постоянно занимается любой хороший офицер: проверить соответствие своего снаряжения и подготовки новым угрозам — и, если потребуется, полностью обновить всю необходимую экипировку. Для нас признание собственной неправоты значит не больше, чем для этого офицера: история не стоит на месте, и нет более тяжкого интеллектуального преступления, чем сражаться с современными врагами оружием из прошлого. В любом случае инструменты нашей критики заслуживают столь же тщательного анализа и проверки, как и бюджет Пентагона.

Мой аргумент состоит в том, что определенная разновидность духа критики сбила нас с правильного пути и заставила драться не с теми врагами и, что еще хуже, привлекать не тех союзников, которых мы хотели бы видеть рядом, — и все из-за небольшой ошибки в определении основной цели. Нашей целью должно было стать не избавление от фактов, а приближение к ним, не борьба с эмпиризмом, а, напротив, его обновление.

Я попытаюсь показать, что критический разум, если он хочет обновить себя и снова стать актуальным, должен *непреклонно культивировать реалистическую установку* — выражаясь языком Уильяма Джеймса. Но данный реализм должен иметь дело не с фактами, а с вопросами, вызывающим озабоченность (*matters of concern*). Ошибка, которую совершили мы все, и я в том числе, — это вера в то, что единственный эффективный способ критиковать факты состоит в том, чтобы двигаться в *сторону* от них и обратить все свое внимание в *направлении* условий их возможности. Но это предполагает слишком некритичное определение фактов. Мы слишком сильно держались за то не-

11. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: НЛО, 2011.

удачное решение, что досталось нам в наследство от философии Иммануила Канта. Хотя критика и наступала на больные мозоли, она все еще оставалась недостаточно критичной. Реальность не определяется фактами. Факты — еще не все, что дает опыт. Факты — это всего лишь очень неполные, предвзятые и, я бы сказал, очень спорные и очень политизированные интерпретации вопросов, вызывающих озабоченность, и лишь одна из составных частей того, что можно было бы назвать положением дел. Именно этот новый эмпиризм, это возвращение к реалистической установке я хочу предложить критически настроенным интеллектуалам.

Указывая общее направление подобной аргументации, я хочу продемонстрировать, что Просвещение, хотя ему очень пригодился такой мощный описательный инструмент, как факты, идеальный для *разоблачения* множества верований, скрытых сил и иллюзий, оказалось полностью безоружным, когда все тот же разоблачительный импульс смел эти самые факты. После этого свет Просвещения постепенно померк, и в университетах воцарилась своеобразная тьма. Я задаю следующий вопрос: возможно ли создать другой столь же мощный описательный инструмент, теперь уже имеющий дело с *вопросами, вызывающими озабоченность*, служащий уже не для разоблачения, а для защиты и заботы, как говорит Донна Харауэй? Можно ли превратить этот критический пафос в этос в отношении тех, кто *прибавляет* к фактам реальность, а не *заменяет* ее? Другими словами, в чем разница между деконструкцией и конструктивизмом?

Вы могли бы возразить: «Пока что перспектива выглядит не слишком радужной. Сдается, что вы, мсье Латур, меньше всего подходите на роль того, кто выполнит подобное обещание, ведь вы всю свою жизнь разоблачали то, к чему до вас другие, более вежливые критики хотя бы относились с уважением, — а именно факты и науку саму по себе. Сколько волк ни рядись в овечью шкуру, его мех выдаст; вы порядком обточили зубы вашей деконструкции о наши ни в чем не повинные лабы (*labs*) — мы хотели сказать, о наших агнцев (*lambs*)! — чтобы мы вам теперь поверили». Так в том-то и проблема: я написал дюжину книг с целью внушить уважение к объектам науки и технологии, искусства, религии и, в последнее время, законодательства. Причем книги, по мнению некоторых, совершенно не критично их восхваляющих, где я каждый раз подробно показывал абсолютную невозможность социологического объяснения этих объектов, однако читателям слышался только рык разъяренного зверя. Разве нельзя действи-

тельно решить этот вопрос — писать не о фактах, а о вопросах, вызывающих озабоченность¹²?

Как известно любому философу, Мартин Хайдеггер много раз размышлял над древней этимологией слова «вещь» (*thing*). Теперь мы все знаем, что во всех европейских языках, включая русский¹³, существует ярко выраженная связь между словами, обозначающими вещь, и прообразом законодательного собрания. Исландцы гордятся тем, что имеют самый древний парламент, который они называют *Альтинг* (*Althing*). Во многих Скандинавских странах еще можно посетить места для собраний, называемые «тингами» (*Ding* или *Thing*). Разве это не удивительно, что банальный термин «вещь», которым мы обозначаем нечто, находящееся вовне, вне обсуждения и вне языка, — это одновременно одно из древнейших слов, которое использовалось для обозначения мест, где наши далекие предки решали свои дела и разрешали свои споры¹⁴? Вещь — это в одном смысле объект, лежащий *вовне*, а в другом — *проблема* (*issue*), которая возникает *внутри* и так или иначе относится к *собираанию*. Уточню значение уже введенного мной термина: слово «*вещь*» обозначает одновременно и факты, и вопрос, вызывающий озабоченность.

Разумеется, это не тот путь, который в итоге выбрал Хайдеггер, хотя он и уделил значительное внимание этимологическому аспекту вопроса. Напротив, во всех его работах решительно подчеркивается различие между, с одной стороны, предметами, *Gegenstand* и, с другой стороны, прославляемой им *Вещью*, *Ding*. Сделанная вручную чаша может быть вещью, в то время как промышленно произведенная жестяная банка для колы остается предметом. Провал в пустоту науки и техники — удел последнего, и только первая, благодаря почтительному обращению искусства, ремесла и поэзии, может задействовать и сформировать во-

12. Именно этого удалось достичь великому романисту Ричарду Пауэрсу, чьи произведения — аккуратное и, на мой взгляд, мастерское исследование этого нового «реализма». В контексте данной статьи особенно актуальна его книга: Powers R. *Plowing in the Dark*. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2000.

13. По-видимому, речь идет о сближении славянского «вече» и «вещь». — *Прим. ред.*

14. См. подробнейшее исследование замечательного французского специалиста по римскому праву Яна Тома (*Thomas Y. Res, chose et patrimoine. Note sur le rapport sujet-objet en droit romain* // *Archives de philosophie du droit*. 1980. Т. 25. Р. 413–426).

круг себя богатую совокупность связей¹⁵. Это разделение, пусть и не слишком явно, Хайдеггер отмечает в своей книге о Канте:

До настоящего времени такие вопросы остаются открытыми. Возможность их постановки затемняется результатами и прогрессом научной работы. Один из этих насущных вопросов касается права и границ математического формализма — в противовес требованию непосредственного возврата к данной в созерцании природе¹⁶.

История тех, кто, подобно Хайдеггеру, старался найти выход в непосредственности, интуиции и природе, слишком печальна и к тому же хорошо известна. Зато теперь совершенно ясно, что тропинки, ведущие прочь от торной дороги, действительно вели в никуда. Тем не менее Хайдеггер, столь серьезно рассуждая о чаше, дает нам богатый словарь и для описания предметов, которые он так презирает. Интересно, что бы произошло, если бы мы попытались говорить об объекте науки и технологии, предмете, или *Gegenstand*, так, будто бы он был наделен богатыми и сложными атрибутами воспеваемой *Вещи*?

Беда философов в том, что тяжелая работа заставляет их литрами пить кофе, и потому в своих объяснениях они, потеряв всякое чувство меры, используют чашки и горшки, хотя и могут иногда прибавить к ним какой-нибудь камешек. Однако, как уже давно отметил Людвиг Флек, их объекты никогда не бывают достаточно сложными; а точнее, в их изготовлении никогда не участвуют одновременно сложная история и новые, реальные и потому *интересные* обитатели Вселенной¹⁷. Философия никогда не имеет дела с тем, с чем работают исследования науки. Вот почему полемика между реализмом и релятивизмом всегда оставалась бесплодной. Как недавно продемонстрировал Ян Хакинг (и сделал он это мастерски), камень оказывается по-разному задействован в философской дискуссии, если взять самый что ни на есть заурядный камень для доказательства своей точки зрения (обычно — побить им подвергнувшегося релятивиста!) или если использовать, напри-

15. См.: Harman G. Tool-Being: Heidegger and the Metaphysics of Objects. Chicago: Open Court, 2002.

16. Heidegger M. What Is a Thing? Chicago: Henry Regnery Company, 1967. P. 95.

17. Хотя Флек и был основателем исследований науки, его влияние в полной мере будет проявлено только в будущем, поскольку Томас Кун понял его работы совершенно неправильно. См.: Кун Т. Предисловие к английскому переводу // Флек Л. Возникновение и развитие научного факта. М.: Идеа-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 19–24.

мер, доломит¹⁸. Первый может быть преобразован в факт, второй — нет. Доломит настолько сложен и вовлечен в такое количество связей, что его не удастся рассматривать как факт. При этом его можно описать как собрание и рассматривать как основание четырехэлементной структуры. Почему бы не рассуждать о нем так же оживленно, заинтересованно и сложно, как и о хайдеггеровской чаше? Ошибка Хайдеггера не в том, что он слишком трепетно относился к чаше, а в том, что его дихотомия *Gegenstand* и *Вещи* зиждется на самых грубых предрассудках.

Несколько лет назад другой философ, более близкий к истории науки, а именно Мишель Серр, тоже француз, но при этом настолько далекий от критики, насколько это возможно, размышлял о том, что мог бы значить серьезный антропологический и онтологический подход к объектам науки. Что любопытно, всякий раз, когда философ подбирается к объекту науки, который одновременно актуален и наделен историческим измерением, его философия меняется, и параметры реалистической установки становятся более определенными и совершенно отличными от так называемой реалистической философии науки, занимающейся рутинными и скучными объектами. Я читал отрывок о катастрофе «Челленджера» из его книги «Статуи», когда другой шаттл, «Колумбия», в начале 2003 года послужил трагическим примером очередного превращения объекта в вещь¹⁹.

Как еще можно обозначить ту неожиданную трансформацию полностью управляемого, абсолютно понятного, совершенно забытого СМИ и принимаемого как должное снаряда-факта космического корабля во внезапный град из падающих на территорию США обломков, которые тысячи людей бросились искать в грязи под дождем, чтобы собрать их в огромном зале в качестве улики для юридического и научного расследования? За одно мгновение объект превратился в вещь, факт (*matter of fact*) превратился в вопрос, вызывающий огромную озабоченность (*matter of great concern*). Если, как говорит Хайдеггер, вещь — это собрание, то удивительно, насколько внезапно это собрание может быть *распущено*. Если «веществу», вещь дает пребывать собранию четверых — земле и небу, божествам и смертным — в одно-сложности (*onefold*)

18. См.: *Hacking I. The Social Construction of What? Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999*, особенно последнюю главу.

19. См.: *Serres M. Statues: le Second livre des fondations. P.: Editions François Bourin, 1987*. О том, почему Серр никогда не примыкал к критицизму, см.: *Serres M., Latour B. Conversations on Science, Culture and Time. Ann Arbor, MI: The University of Michigan Press, 1995*.

их собою самой единой четверицы (*fourfold*)»²⁰, то можно ли привести более яркий пример подобного построения и разрушения, чем эта катастрофа, которая распрямляет (*unfold*) тысячи ее складок (*fold*)²¹? Можно ли рассматривать это событие как обычную технологическую аварию, если в своей речи, посвященной ее несчастным жертвам, президент США сказал: «Команда шаттла Колумбия не вернулась на Землю в целостности и сохранности; но все же мы можем молиться о том, чтобы они оказались дома»²²? Как если бы шаттлы летали не только в космос, но еще и на небеса.

В начале февраля 2003 года, когда эту катастрофу освещал канал *C-Span 1*, канал *C-Span 2* в то же самое время освещал другое необычное событие. В этом случае Вещь — с большой буквы В — была собрана для попытки объединиться, сосредоточиться в одном решении, на одном объекте, одном применении силы: военном ударе по Ираку. В этом случае также трудно сказать, было ли подобное собрание трибуналом, парламентом, боевым командным пунктом, клубом миллиардеров, научным конгрессом или съёмочной площадкой телешоу. Но это, вне всякого сомнения, было собрание, где ставились, обсуждались вопросы, вызывающие огромную озабоченность, — хотя возникало немало недоразумений по поводу того, какого рода доказательства требуются и насколько они должны быть точны. Разница между двумя каналами, которые я смотрел в полном недоумении, заключалась в том, что в случае с шаттлом «Колумбия», полностью управляемый объект внезапно превратился в град горящих обломков, представляющих собой лишь улики для расследования; а в ООН происходило расследование, стремившееся собрать в один объединяющий, единодушно принимаемый, устойчивый, управляемый объект людские массы, мнения и силы. В одном случае объект превратился в вещь, во втором случае вещь попыталась стать объектом. В одном случае мы могли наблюдать окончание, а в другом — начало траектории, которую проходят вызывающие озабоченность вопросы для того, чтобы стать фактами. В обоих случаях нам представилась уникальная возможность взглянуть на определенное число вещей,

20. Хайдеггер М. Вещь // Время и бытие: ст. и выступ. М.: Республика, 1993. С. 323.

21. В оригинале игра слов с корнем *fold*, которая отсутствует в существующих русских переводах Хайдеггера и не может быть адекватно переведена на русский язык. — Прим ред.

22. Bush W. G. The Space Shuttle "Columbia" Tragedy Speech to the Nation // American Rhetoric. 01.02.2003. URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/gwbushcolumbia.html>.

которые непременно участвуют в собирании *объекта*. Хайдеггер был не слишком хорошим антропологом науки и техники; он оперировал только четырьмя складками, в то время как в самом небольшом шаттле, самой скоротечной войне их миллионы. Сколько божеств, страстей, регулировок, институтов, техник, дипломатических уловок, сколько хитроумия нужно сложить воедино, чтобы связать «землю и небо, божеств и смертных» — о да, особенно смертных. (Страшное предзнаменование — начинать столь сложную войну как раз тогда, когда прекрасно контролируемый объект вроде шаттла раскололся на тысячи падающих с неба обломков — но этого предзнаменования никто не заметил: божества теперь вызываются по требованию.)

Я пытаюсь донести простую мысль: вещи снова стали Вещами, объекты вернулись на сцену, попали на *вече*, где они должны быть собраны, чтобы существовать впоследствии как нечто *самостоятельное*. Разрыв, который можно назвать «разрывом модерна», из-за которого с одной стороны существовал мир объектов, *Gegenstand*, не касавшийся парламента, форума, агоры, конгресса, суда, а с другой стороны — целая совокупность форумов, мест встречи, городских советов, где проходили дискуссии, — теперь преодолен. То, что этимология слова «вещь» — *chose, causa, res, aitia* — таинственным образом сохранила для нас как элемент легендарного, мифического прошлого, теперь стало самым заурядным настоящим прямо у нас на глазах. Вещи собираются вновь. Разве зрелище обсуждения того же проекта реконструкции южной части Манхэттена с его огромными толпами, гневными посланиями, полными страстей электронными письмами, многолюдными агорами, огромными передовицами, что связывали множество людей с бесконечными проектами замены башен-близнецов, не было невероятно трогательным? Как сказал архитектор Даниэль Либерскинд за несколько дней до принятия решения, строить по-старому теперь невозможно.

Я могу просто раскрыть газету, чтобы найти сразу несколько бывших объектов, снова ставших вещами, — от уже упомянутого глобального потепления до гормонального лечения при менопаузе, от работ Тима Лемуара, исследований приматов Линды Федиган и Ширли Струм или гиен в работах моего друга Стивена Гликмана²³.

23. Для описания этой промежуточной фазы между вещью и объектом Серр предложил термин «квазиобъект» (*quasi-object*). Это гораздо более интересный философский вопрос, чем старый вопрос об отношении между словами и мирами. О новом подходе ученых к исследованию животных

Эти собрания не являются исключительной приметой настоящего времени, как если бы объекты только недавно предстали в виде вещей со всей очевидностью. Каждый день историки науки показывают нам, до какой степени мы никогда не были людьми модерна, — они постоянно пересматривают все элементы того, что в прошлом считалось фактами, от Галилея Марио Бьяджиоли, Бойля Стивена Шейпина и Ньютона Саймона Шэффера до невероятно запутанных взаимосвязей между Эйнштейном и Пуанкаре, которые описал в своем недавнем шедевре Питер Галисон²⁴. Конечно, можно было бы привести еще массу примеров, но для меня сейчас важнее всего показать, как нечто, позволившее историкам, философам, специалистам в области гуманитарных наук и критикам провести *настоящее* отличие между модерном и домодерном, а именно, внезапное и в каком-то смысле чудесное появление фактов, теперь находится под сомнением из-за того, что факты сливаются с крайне сложными, исторически локализованными и разноплановыми вопросами, вызывающими озабоченность. С электрической синхронизацией часов патентного бюро Эйнштейна в Берне нельзя обращаться так же, как с чашками, кувшинами, булыжниками, лебедями, кошками, матрасами. Вещи, которые организуют собрания, не получится швырнуть вам в лицо как объекты.

И все же я прекрасно понимаю, что всего этого недостаточно, так как что бы мы ни делали, пытаюсь заново соединить объекты науки с их аурой, их короной, их сетью ассоциаций, возвращая их туда, где они были собраны, кажется, что мы всегда *ослабляем*, а не *усиливаем* их претензию на реальность. Я знаю, что мы действуем из наилучших побуждений, пытаюсь *прибавить* реальность к объектам науки, но неизбежно, в силу какой-то трагичной в своей системности ошибки, мы всякий раз словно отнимаем какую-то ее часть. Мы похожи на неуклюжего официанта, который ставит тарелки на наклонный стол, после чего столь аппетитные блюда постоянно соскальзывают и падают на пол. Почему же нам никогда не удастся проявить то же самое упрямство, тот же уверенный в себе реализм, обнаруживая очевидно сетевые, «вещные» (*thingy*) характеристики вопросов, вызывающих озабоченность? Почему нам не удастся опровергнуть претензии реалистов на то,

и полемике, которую он порождает, см.: Primate Encounters: Models of Science, Gender and Society / S. Strum, L. Fedigan (eds). Chicago: The University of Chicago Press, 2000; Despret V. Quand le loup habitera avec l'agneau. P.: les Empêcheurs de penser en rond, 2002.

24. См.: Галисон П. Часы Эйнштейна, карты Пуанкаре. Империи времени. М.: ИД ВШЭ, 2022.

что только факты могут удовлетворить их аппетит, а вопросы, вызывающие озабоченность, похожи скорее на все эти новомодные блюда, ласкающие взгляд, но не утоляющие сильный голод?

Разумеется, одной из этих причин является то положение, что отведено объектам в большинстве социальных наук, — это положение до того смехотворное и бесполезное, что если хоть немного иметь дело с науками, технологиями, религией, законами или литературой, то любое серьезное рассмотрение объективности — то есть «вещности» — станет абсолютно невозможным. Как же так вышло? Позвольте мне обрисовать критический ландшафт в его самом обыденном и привычном виде²⁵.

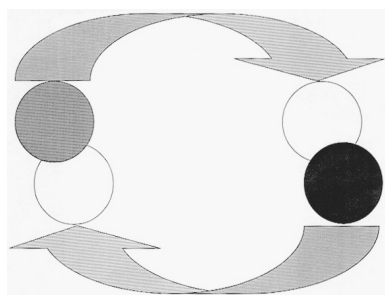
По моим оценкам, 90% современных критических исследований могут быть сведены к следующему набору схем, где объект зафиксирован только в двух позициях — в той, что я называю позицией *факта*, и той, что я называю позицией *фантазии* (*fairy*). Факт и фантазия этимологически связаны, но я не буду здесь развивать этот момент. Позиция фантазии хорошо известна и постоянно используется многими исследователями социального, связывающими критицизм с антифетишизмом. В этом случае задача критика — показать, что обращение наивных «верующих» с объектами — это просто-напросто проекция их желаний на материальную сущность, которая сама по себе ничего не делает. Они взяли на вооружение пророческое осуждение идолов («есть у них уста, но не говорят; есть у них глаза, но не видят; есть у них уши, но не слышат»), но используют его для осуждения самих объектов «веры» — божеств, моды, поэзии, спорта, желания и т. п. — объектов, за которые так отчаянно цепляются наивные «верующие»²⁶. Затем отважный критик как единственный, кто сохранил внимание и бдительность, превращает эти фальшивые объекты в фетиши — то есть ничто иное, как пустые белые экраны, на которые проецируются социальные силы, властные отношения и все что угодно. Наивному верующему нанесен первый удар (рис. 1).

25. Здесь я суммирую некоторые результаты моего давнего антропологического исследования критического процесса, см.: Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: ЕУСПб, 2006; *Latur B. Pandora's Hope: Essays on the Reality of Science Studies*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999; *Iconoclasm: Beyond the Image Wars in Science, Religion and Art*.

26. См.: Pietz W. The Problem of the Fetish, I // Res. 1985. № 9. P. 5–17; *Idem* The Problem of the Fetish, II: The Origin of the Fetish // Res. 1987. № 13. P. 23–45; *Idem* The Problem of the Fetish, IIIa: Bosman's Guinea and the Enlightenment Theory of Fetishism // Res. 1988. № 16. P. 105–123.

...проецирует на пассивную материю вашу собственную власть.

...но на самом деле
сила собственной
находчивости...

Вы верите
во власть идолов...

...заставляющую вас совершать действия...

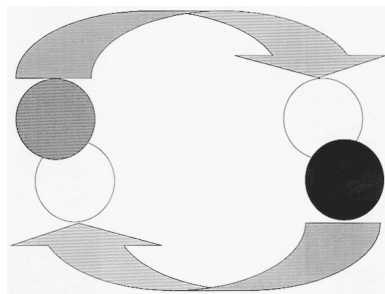
Рис. 1. Критический жест: этап первый.

Это еще не все: готовится еще один удар, теперь уже с полюса фактов. На этот раз поведение несчастного, захваченного врасплох, «объясняется» мощным воздействием неоспоримых фактов: «Вы, заурядные фетишисты, верите в собственную свободу, но на самом деле находитесь под действием сил, которые не осознаете. Посмотрите же на них, вы, слепые идиоты» (а далее говорится об излюбленных фактах исследователей социального, порожденных экономической инфраструктурой, дискурсивными полями, социальным господством, расой, классом, гендером; можно прибавить к этому немного нейробиологии, эволюционной психологии, да чего угодно — главное, чтобы все это действовало под видом неоспоримых фактов, чье происхождение, производство, способ развития остаются неисследованными) (рис. 2).

Теперь вы понимаете, почему так приятно быть критиком? Почему критика, этот в высшей степени двусмысленный *pharmakon*, превратился в сильнейший наркотик, вызывающий такую эйфорию? Вы всегда правы! Когда наивные верующие из последних сил цепляются за свои объекты, утверждая, что их действиями движут объекты желания, божества, или поэзия и т.п., то можно превратить все эти привязанности в фетиши и унижить «верующих», показав, что все это не более чем их проекции, которые способны видеть только вы, выступая в качестве критика. Как только наивные «верующие» почувствуют собственную значимость, поверят в свою проецирующую способность, вы наносите им новый удар и унижаете их снова, на этот раз показав, что их поведение, что бы они там о себе ни возомнили, полностью обусловлено действием мощных причинно-следственных связей, берущих начало в не видимой ими объективной реальности, кото-

...позволяющие создавать вещи из пассивной материи...

Вы верите в свою
боду и силу соб-
ственной воли...

...но на самом деле,
не желая того, вы
действуете под
влиянием...

...неотвратимых сил генов, интересов, побуждений и т. п...

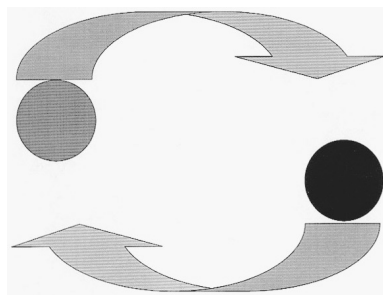
Рис. 2. Критический жест: этап второй.

рую можете видеть только вы, недремлющий критик. Ну, разве это не здорово? Разве изучение критики в университете не оправдывает себя? «Входите же, несчастные! После стольких лет, когда вы на износ читали все эту написанную высокопарным слогом прозу, вы всегда будете правы, вас больше нельзя обмануть: никто, какой бы властью он ни обладал, больше не сможет обвинить вас в наивности, самом тяжком из всех грехов. Вы правите самолично и оснащены для этого лучше самого Зевса: одной рукой вы посылаете сверху на врагов молнии антифетишизма, а другой — молнии твердой причинности объективного». В дураках оказывается только наивный верующий, это вечное отребье, что всякий раз заставят врасплох (рис. 3).

Стоит ли удивляться, что в итоге, отводя подобную роль объекту, гуманитарные дисциплины потеряли популярность среди своих сограждан, да так, что им приходилось год за годом отступать и баррикадироваться во все более тесных бараках, куда их отправляли все более прижимистые деканы? Зевс Критический правит безраздельно — но он правит пустыней.

Ясно одно: никому из читателей не понравится, когда с дороги-ми именно *нам* объектами обходятся подобным образом. Мы бы в ужасе отшатнулись даже при малейшем намеке на их социальное объяснение, причем неважно, идет ли речь о поэзии или роботах, стволовых клетках, черных дырах, импрессионизме, и неважно, патриоты мы, революционеры или законники, молимся ли мы богу или надеемся только на нейронауку. Вот почему, на мой взгляд, тем из нас, кто пытался говорить о науках как о вызывающих озабоченность вопросах, так часто не хватало убедительности; читатели путали наш способ рассмотрения бывших фактов с ужасной участью объектов, пропущенных через социологию, ис-

Когда он разоблачает
претензии
фетишиста,
демонстрируя ему
созданное
им самим...

...но критик всегда
прав!

...или когда он разоблачает наивную веру в свободу,
демонстрируя непреодолимость детерминизма

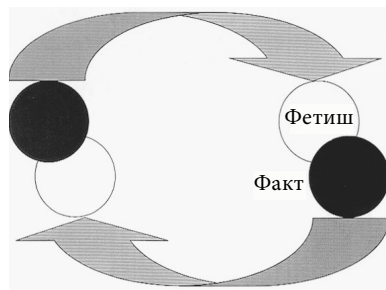
Рис. 3.

следования культуры и т. д. Я не могу винить в этом наших читателей. То, что исследователи социального делают с нашими любимыми объектами, настолько ужасно, что мы, разумеется, не хотим подпускать их на пушечный выстрел. «Пожалуйста, — восклицаем мы, — вообще не прикасайтесь к ним! Не пытайтесь их объяснить!» Или более сдержанно предлагаем: «Почему бы вам не пройти дальше по коридору и не свернуть на другую кафедру? Там-то найдутся для вас плохие факты; почему бы вам не заняться объяснением тех фактов вместо наших?» Вот почему, когда нам нужны уважение, надежность, настойчивость, уверенность, мы предпочитаем придерживаться языка фактов, несмотря на все его хорошо известные недостатки.

Однако этот путь — не единственный, потому как вполне можно избежать жестокого обращения с объектами, которое я называю *критическим варварством*. Критический варвар настолько силен, потому что два механизма, действие которых я только что обрисовал, никогда не демонстрируются на одной схеме (рис. 4). Антифетишисты разоблачают объекты, в которые они не верят, демонстрируя продуктивные и проективные человеческие наклонности; затем, без всякой связи с предыдущим, они используют объекты, в которые они верят, для механицистского или каузального объяснения и разоблачения мыслительных способностей людей, чье поведение они не одобряют. Этот довольно безыскусный трюк, благодаря которому возможна подобная критика, хотя мы никогда не понесем в этот убогий ломбард свои ценности, заключается в отсутствии *пересечения между двумя совокупностями объектов* — находящихся в позиции факта и в позиции фантазии. Вот почему можно одновременно быть, не чувствуя никакого противоречия, 1) антифетишистом в отношении

Субъект либо обладает достаточным могуществом, чтобы собственноручно создать все...

...либо представляет собой лишь поле действия детерминирующих сил, изучаемых естественными и социальными науками

Объект — лишь экран, на который проецируется человеческая свободная воля...

...либо обладает достаточным могуществом, чтобы быть причиной, детерминирующей мысли и действия людей

Рис. 4. Критический трюк: два объекта и два субъекта.

всего, во что вы не верите (в основном в отношении религии, поп-культуры, искусства, политики и т. п.); 2) нераскаявшимся позитивистом в отношении всех дисциплин, в которые вы продолжаете верить: социологии, экономики, теории заговора, генетики, эволюционной психологии, семиотики — выберите ваше излюбленное поле исследований; и 3) абсолютно здоровым и непреклонным реалистом в отношении того, что вам действительно дорого — и, разумеется, это может быть критицизм как таковой, равно как и живопись, наблюдение за птицами, Шекспир, бабуины, протеины и т. п.

Если вам кажется, что я сгущаю краски, рисуя пейзаж критического в столь мрачном свете, то это потому, что у нас еще не было случая выявить полную несогласованность этих трех противоречащих друг другу процедур — антифетишизма, позитивизма, реализма — ведь мы осмотнительно применяем их к *разным* темам. Объекты, которые нам не по нраву, мы объясняем, объявляя их фетишами; поведение, которое нам не нравится, мы объясняем с помощью дисциплин, формирование которых мы не подвергаем исследованию; и нас интересуют только те вещи, которые мы считаем стоящими вопросами, вызывающими озабоченность. Разумеется, столь высокомерное отношение и непоследовательный репертуар не могут позволить себе те из нас, кто работает в исследованиях науки с такими положениями дел, которые нельзя отнести ни к правдоподобным фетишам — так как никто, включая нас самих, не верит в них слишком сильно — ни к неоспоримым фактам, поскольку их появление на свет, их постепенное конструирование и захватывающее превращение в вызывающие озабоченность во-

просы происходят на наших глазах. Метафора коперниканской революции, так тесно связанная с судьбой критики, всегда была спорной для нас, исследователей науки. Вот почему с более чем здоровой дозой дисциплинарного шовинизма я считаю эту узкую область столь важной: этот маленький камушек в ботинке причиняет критическим варварам все более сильную боль, когда они совершают свои регулярные рейды.

Ошибочно было бы полагать, что мы, в свою очередь, давали социальное объяснение научным фактам. Нет, возможно, вначале мы действительно, как хорошие критики, обучавшиеся в хороших университетах, старались это сделать: использовать оружие, доставшееся нам от старших по возрасту и по званию, чтобы взломать — одно из их любимейших выражений, означающее здесь «разрушить» — религию, власть, дискурс, господство. Но, к счастью (да, именно к счастью!), один за другим мы стали замечать, что черные ящики наук остаются закрытыми, а разобранными в пыли наших мастерских оказываются скорее наши инструменты. Проще говоря, критика была совершенно бесполезна против сколько-нибудь прочных и устойчивых объектов. Можно разыграть карту проекции, когда речь идет об НЛО или экзотических божествах, но не стоит и пытаться, имея дело с нейромедиаторами, гравитацией или расчетами методом Монте-Карло. Критика становится бесполезной и тогда, когда она начинает некритически использовать результаты одной из наук или дисциплин, будь то сама социология, экономика или постколониальные исследования, чтобы объяснить поведение людей. Можно попробовать сыграть в эту никчемную игру, объясняя агрессию генетикой агрессивных людей, но попытайтесь проделать то же самое, одновременно приняв во внимание множество конфликтов и разногласий в области генетики, включая теории эволюции, в которых сами генетики так сильно путаются²⁷.

В обоих случаях вопросы, вызывающие озабоченность, никогда не занимают те две позиции, которые отводит им критическое варварство. Объекты слишком сильны, чтобы к ним относились как к фетишам, и слишком слабы, чтобы можно было рассматривать их как неоспоримые каузальные объяснения того или иного бессознательного действия. Это отно-

27. Яркий пример можно найти в: *Kupiec J.-J., Sonigo P. Ni Dieu ni gène: pour une autre théorie de l'hérédité*. P.: Le Seuil, 2000; см. также: *Fox-Keller E. The Century of the Gene*. Cambridge, MA: MIT Press, 2000.

сится не только к научным положениям дел; это наше величайшее открытие, заставившее исследования науки совершить эту счастливую ошибку, *felix culpa*. Как только вы поймете, что объекты науки не поддаются социальному объяснению, то тут же поймете, что так называемые слабые объекты, то есть те, что представляются подходящими кандидатами для обвинений в антифетишизме, никогда не были всего лишь проекциями на белом экране²⁸. Они также действуют, также производят различные вещи и также *побуждают вас делать различные вещи*. Не только объекты науки оказывают сопротивление, но и прочие объекты, которые, казалось бы, давно были стерты в пыль автоматизированными, рефлекторно действующими деконструкторами. Выдвинуть обвинение в том, что нечто является фетишем, — это абсолютно неуместный, непочтительный, безумный и варварский жест²⁹.

Не пришло ли время двигаться дальше? Почему бы к двум позициям, позиции факта и позиции фантазии, не добавить третью позицию, позицию *справедливости*? Неужели наша коллективная интеллектуальная жизнь не в силах породить, хотя бы раз в столетие, какие-нибудь *новые* инструменты критики? Разве не обидно слышать, что военные более бдительны, внимательны и более изобретательны, чем мы, гордость научного сообщества, его сливки, постоянно превращающие весь остальной мир в наивных «верующих», фетишистов, беспомощных жертв господства, при этом сводя их к побочным эффектам всемогущих и скрытых каузальностей, порожденных инфраструктурами, композиция которых не подлежит рассмотрению? При этом в глубине души мы сохраняем уверенность, что вещи, действительно дорогие нашему сердцу, никак не могут выступать в подобной роли. Вы не устали от подобных «объяснений»? Я устал, они меня всегда утомляли, поскольку я знал, например, что Бог, которому я молюсь, произведения искусства, которыми я восхищаюсь, рак толстой кишки, с которым я борюсь, законодательство, которое я изучаю, желание, которое ощущаю, и даже книга, которую я пишу, никоим образом не поддаются объяснению ни в качестве фетиша, ни в ка-

28. Я пытался недавно использовать этот аргумент в отношении двух самых сложных типов сущностей: христианских божеств (*Latour B. Jubiler ou les tourments de la parole religieuse. P.: Les empêcheurs de penser en rond, 2002*) и законов (*Idem. La fabrique du droit: Une Ethnographie du Conseil d'État. P.: La Découverte, 2002*).

29. Выставка в Карлсруэ (Германия) под названием *Iconoclash* была в каком-то смысле запоздалым ритуалом покаяния в столь буйном разрушении.

честве факта, ни в той или иной комбинации двух этих абсурдных позиций.

Чтобы реабилитировать реалистическую установку, недостаточно разобрать на части критическое оружие, которое столь некритично производилось нашими предшественниками, как поступают с устаревшими, но все еще опасными ядерными боеголовками. Если бы нужно было демонтировать только социальную теорию, все было бы довольно просто; подобно Советской империи, все эти колоссы стоят на глиняных ногах. Сложность в том, что они построены на фундаменте куда более древней философии, поэтому, как только мы пытаемся заменить факты проблемами, создается впечатление, что мы что-то утрачиваем. Мы как будто пытаемся наполнить мифическую бочку Данаид: что бы мы туда ни заливали, уровень реализма не повышается. Пока мы не заделаем течь, реалистическая установка всегда будет как бы расщепленной; основным предметом внимания остаются факты, а вопросам, вызывающим озабоченность, отведена богатая, но по сути пустая или нерелевантная область *истории*. Больше всегда будет казаться меньшим. Хотя я и не планировал растягивать данную статью, мне потребуется еще несколько страниц, чтобы предложить способы преодоления этой бифуркации.

Есть известное изречение Альфреда Норта Уайтхеда: «Обратиться к метафизике — все равно что бросить спичку в пороховой склад. Все взлетит на воздух»³⁰. Но я без этого не смогу, так как слишком много говорил о системах вооружения, взрывах, борьбе с идолами и полях сражений. Среди всех современных философов, пытавшихся преодолеть факты, Уайтхед — единственный, кто вместо того, чтобы встать на путь критики и вместо фактов обратить внимание на то, что делает их возможным, как делал Кант, или добавить что-то к их голой структуре, как делал Гуссерль, или насколько возможно избежать их судьбы господства, их *Gestell*, как делал Хайдеггер, — попытался приблизиться к ним или, точнее, увидеть сквозь факты реальность, требующую нового, уважительного и реалистического отношения.

Едва ли найдется кто-то, кто был дальше от критики во всех смыслах этого слова, чем Уайтхед, и любопытно, что единственный, против кого он прямо направил свои критические замеча-

30. Whitehead A. N. The Concept of Nature. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1920. P. 29.

ния, был Витгенштейн. Которого, на мой взгляд, совершенно несправедливо считают величайшим философом XX века.

Яркая отличительная черта, которая выделяет Уайтхеда на фоне философского мейнстрима и делает его нашим попутчиком, — это его убежденность в том, что факты являются крайне скудным отображением того, что дано нам в опыте. А также тем, что подменяет вопрос «Что есть на самом деле?» вопросом «Как мы можем это знать?», как отмечает Изабель Стенгерс в важной книге о философии Уайтхеда³¹. Те, кто сегодня высмеивают его философию, не понимают, что сами загоняют себя в рамки того, что он называл «бифуркацией природы». Они давно забыли о том, что значит принять эту удивительную фразу всерьез:

Для натурфилософии все воспринимаемое является частью природы. Мы не можем взять и выбрать. Для нас красный отблеск заката должен быть в такой же степени частью природы, как молекулы, как электрические волны, которыми ученые объяснили бы этот феномен³².

Все последующие философские школы занимались чем-то прямо противоположным: они выбирали и отбирали и, что хуже, оставались вполне довольны этим ограниченным выбором. Устранить эту бифуркацию — не значит добавить к скучным электрическим волнам богатый жизненный мир сияющего солнца, как поступили бы феноменологи. Это лишь усилило бы бифуркацию. Решение, или, скорее, приключение, как сказал бы Уайтхед, состоит в том, чтобы развить реалистическую установку еще дальше, признав, что факты — это абсолютно неправдоподобное, нереалистичное и неоправданное определение того, что значит иметь дело с вещами:

Таким образом, материя представляет собой отказ мыслить вне пространственных и временных характеристик для того, чтобы прийти к концепции индивидуальной сущности. Именно подобный отказ вызвал путаницу из-за *переноса самого мыслительно-го процесса на факты природы*. Сущность, избавленная ото всех характеристик, кроме пространственно-временных, приобрела

31. См.: Stengers I. Penser avec Whitehead: Une libre et sauvage création de concepts. P.: Seuil, 2002. Существенное достоинство этой книги в том, что автор принимает всерьез как научные взгляды Уайтхеда, так и его теорию Бога.

32. Whitehead A. N. Op. cit. P. 28–29.

физический статус окончательной структуры природы; таким образом, развитие природы понимается исключительно как нечто происходящее с материей в ходе ее полного приключений путешествия сквозь пространство³³.

Из этого не стоит делать вывод о том, что могли бы существовать некие устойчивые факты, и следующим действием должно быть решение о том, можно ли их использовать для объяснения чего-либо. А также о том, что альтернативное решение состоит в атаке, критике, разоблачении, историзации этих фактов с целью показать, что они сфабрикованы, интерпретированы, изменчивы. Неверно и то, что у нас получится избегать их, погрузившись в область сознания, или дополнять их символическим или культурным измерением; дело в том, что факты — это ненадежные союзники опыта и эксперимента. А также, добавлю я от себя, это еще и запутанный клубок, в котором переплетены полемика, эпистемология, модернистская политика, и который никоим образом не может представлять то, чего требует реалистическая установка³⁴.

Уайтхед не из тех авторов, что дают читателю заскучать, но мне хотелось бы обрисовать хотя бы *направление* развития той новой критической установки, которой я бы хотел заменить опостылевшую рутину большинства социальных теорий.

Решение, на мой взгляд, заключено в многообещающем термине *собрание*, который ввел Хайдеггер для обозначения «веществования вещи». Я прекрасно понимаю, что Хайдеггеру и Уайтхеду было бы не о чем поговорить друг с другом. Однако термин, который последний использовал в «Процессе и реальности» для описания «подходящих поводов» (я называю их «вопросами, вызывающими озабоченность»), — это «сообщества» (*societies*). Это же слово, кстати, использует Габриэль Тард, подлинный основатель французской социологии, для описания сущностей всех ви-

33. Ibidem. P. 20.

34. Факты представляют теперь не самое распространенное и затруднительное с исторической точки зрения отражение опыта, что убедительно показали многие авторы; фрагменты этой истории описаны в таких работах, как: *Licoppe C. La Formation de la pratique scientifique: Le Discours de l'expérience en France et en Angleterre (1630–1820)*. P.: La Découverte, 1996; *Poovey M. A. History of the Modern Fact: Problems of Knowledge in the Sciences of Wealth and Society*. Chicago: University of Chicago Press, 1999; *Daston L., Park K. Wonders and the Order of Nature, 1150–1750*. N.Y.: Zone Books, 1998; *Picturing Science, Producing Art / C. A. Jones et al. (eds)*. N.Y.: Psychology Press, 1998.

дов. Оно достаточно близко к слову «ассоциация», которое я постоянно использовал для описания объектов науки и технологий. Эндрю Пикеринг использовал бы термин «вальцы практики»³⁵. Независимо от используемых терминов, все вышеизложенное представляет собой совершенно иную установку, которая разительно отличается от критической: это не бегство к условиям возможности данных фактов, не прибавление чего-то более человеческого, которого не хватает нечеловеческим фактам, а скорее разноплановое исследование посредством антропологии, философии, метафизики, истории, социологии, направленное на выявление того, *сколько участников собрано в вещь*, чтобы сделать ее существующей и поддерживать ее существование и далее. Объекты — просто неудавшиеся собрания, то есть факты, которые не были собраны юридически надлежащим образом³⁶. Неподатливость фактов, которая в привычном нам спектакле с пинающим камень ниспровергателем («это существует, нравится вам это или нет») похожа на упрямство политических демонстрантов: «Это — США, любите их или убирайтесь», — что, одним словом, есть скверная альтернатива динамичному, осознанному, устойчивому, достойному и продолжительному существованию во всех его проявлениях³⁷. Собрание, то есть вещь, проблема, нечто, обсуждаемое на *вече*, может быть весьма устойчивым, если количество участников собрания, ее ингредиентов, людей и нелюдей, не будет заранее ограничено³⁸. В корне неправильно делить коллектив, как я это называю, на устойчивые факты, с одной стороны, и мятежные толпы — с другой. Архимед говорил от лица всей традиции, восклицая: «Дайте мне неподвижную точку опоры, и я переверну Землю», но не выступаю ли я от лица другой, куда менее престижной, но, возможно, столь же почетной традиции, когда говорю: «Дайте мне один вопрос, вызывающий озабоченность, и я покажу вам, как много нуж-

35. См.: *Pickering A. The Mangle of Practice: Time, Agency, and Science. Chicago: University of Chicago Press, 1995.*

36. См.: *Latour B. Politics of Nature: How to Bring the Sciences Into Democracy. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004.*

37. См. интересную интерпретацию реалистической методологии в: *Ashmore M. et al. The Bottom Line: The Rhetoric of Reality Demonstrations // Configurations. 1994. Vol. 2. № 1. P. 1–14.*

38. В этом состоит вызов новой выставки, которую я курирую вместе с Питером Вайбелем в Карлсруэ. Она запланирована на 2004 год и носит рабочее название *Making Things Public*. Эта выставка будет исследовать то, что проект *Iconoclash* всего лишь обозначил, а именно изнанку войн вокруг изображений.

но для того, чтобы его удержать»? На мой взгляд, бессмысленно закреплять термины из реалистического словаря исключительно за первым способом рассуждения. Критик — не тот, кто развенчивает, а тот, кто собирает. Критик — не тот, кто выдергивает ковер из-под ног наивных верующих, а тот, кто предлагает участникам места для собраний. Критик — не тот, кто бесцельно чередует антифетишизм и позитивизм как пьяный бунтарь на картине Гойи, а тот, для кого все то, что было сконструировано, остается хрупким, и потому требует особой заботы и бережного обращения. Я понимаю, что необходимо обновить и само понятие конструктивизма, чтобы понять суть этой полемики, но я уже сказал достаточно, чтобы указать направление критики — не *прочь от*, а *в сторону* собрания, Вещи³⁹. Не на запад, а, если можно так выразиться, на восток⁴⁰.

Если мы попробуем пойти новым путем, то столкнемся с практической проблемой: мы должны будем связать со словом *критицизм* целый ряд новых и при этом позитивных метафор, жестов, установок, рефлекторных реакций, привычек, способов мышления. Чтобы начать формирование подобных ассоциаций, я приведу еще одно определение критики из самого неожиданного источника — самой первой работы Алана Тьюринга о мыслящих машинах⁴¹. Для этого у меня хороший повод: на первый взгляд, это типичная статья о формализме, с которым связано происхождение одной из икон современной эпохи — если использовать клише антифетишизма — а именно компьютера. Однако если вы начнете ее читать, то найдете в ней столько барочных элементов, всевозможного китча и собранных воедино бесконечных метафор, существ, гипотез, аллюзий,

39. Данная статья может служить дополнением к другой: Латур Б. Надежды конструктивизма // Социология вещей: ст. М.: Территория будущего, 2006. С. 365–389.

40. Вот почему, хотя я и разделяю беспокойство Томаса де Зенготиты (*De Zengotita T. Common Ground: Finding Our Way Back to the Enlightenment* // Harper's. 2003. № 306 P. 35–45), я думаю, что он ошибочно выбрал *направление движения* — назад в будущее; призыв вернуться к «естественной» установке — признак ностальгии.

41. См.: Тьюринг А. М. Вычислительные машины и разум // Хофштадтер Д., Деннет Д. Глаз разума. Фантазии и размышления о самосознании и о душе. М.: Бахрах-М, 2003. С. 47–60. См. также, комментарии Пауэрса к этой работе в: Powers R. *Galatea 2.2*. N.Y.: Farrar, Strauss and Giroux, 1995 — это критика в самом возвышенном смысле слова. Для понимания контекста данной работы, см.: Hodges A. *Alan Turing: The Enigma*. N.Y.: Vintage Books, 1983.

что сегодня ее точно не принял бы ни один журнал. Даже *Social Text* принял бы ее за очередной розыгрыш! «Ну уж нет, хватит, — наверняка сказали бы они, — пуганая ворона и куста боится...» Разве можно принять всерьез статью, где после упоминания мусульманок, наказания мальчиков, экстрасенсорного восприятия мы читаем:

Пытаясь сконструировать подобные машины, мы не должны бесцеремонно узурпировать власть [Бога] создавать души, подобно тому, как мы не делаем этого, производя на свет детей. В обоих случаях мы являемся скорее инструментами Его воли, создавая вместилища для созданных Им душ⁴².

Сколько богов, и все из машин. Помните, как Буш восхвалял команду шаттла «Колумбия» за то, что она достигла дома на небесах, хотя и не дома на Земле? Тьюринг также не может не упомянуть созидательную силу Бога, когда речь заходит о самой хитроумной машине, об изобретенном им компьютере. В том-то и смысл. Компьютер полон сюрпризов: вы получаете от него намного больше, чем вкладываете. Статья Тьюринга самым драматичным образом в который раз демонстрирует, что все объекты рождаются вещами, а для того, чтобы явиться на свет, любым фактам требуется умопомрачительное разнообразие вопросов, вызывающих озабоченность⁴³. Самое удивительное в этом результате — невозможность контроля того, что мы сами сфабриковали, — объекта из следующего определения критики⁴⁴:

42. Тьюринг А. М. Указ. соч. С. 51. Перевод изменен. — *Прим. ред.*

43. Неформалистское определение формализма было предложено Брайаном Ротманом в: *Rothman B. Ad Infinitum: The Ghost in Turing's Machine: Taking God Out of Mathematics and Putting the Body Back.* Stanford, CA: Stanford University Press, 1993.

44. Тьюринга можно считать первым и лучшим из программистов, поэтому те, кто верят в возможность описать машины на языке вводов и выводов, должны подумать над его исповедью: «Машины удивляют меня очень часто. Это происходит потому, что я не делаю расчетов относительно того, что от них можно ожидать, а если и делаю, то торопливо и недостаточно аккуратно. Например, я говорю себе: „Наверное, напряжение здесь такое же, как и там; предположим пока, что так и есть“. Естественно, я часто ошибаюсь, и результат бывает для меня сюрпризом, поскольку к концу эксперимента я уже успеваю забыть о своих предположениях. Это признание делает меня уязвимым для критики моей небрежности, но не может служить основанием для сомнения в том, что я испытываю искреннее удивление» (Тьюринг А. М. Указ. соч. С. 56–57). Об этом неформалистском определении компьютеров см.: *Cantwell B. S. On the Origin of Objects.* Cambridge, MA: MIT Press, 1997.

Давайте ненадолго вернемся к возражению леди Лавлейс о том, что машина может делать только то, что мы ей приказываем. Можно сказать, что человек может «ввести» идею в машину, после чего та каким-то образом ответит и погрузится в состояние покоя, как струна фортепиано после удара молоточка. В качестве другой аналогии можно предложить ядерный реактор, размер которого меньше критического: введенная идея — это нейтрон, попадающий в реактор снаружи. Каждый такой нейтрон вызывает некое возмущение, в конце концов затихающее. Но если реактор увеличить до достаточно крупного размера, то вызванное этим нейтроном возмущение, вероятно, будет продолжаться и возрастать до полного разрушения реактора. Существует ли соответствующий феномен в сфере разума и применим ли он к машине? Кажется, он вполне применим для человеческого разума. Как представляется, большинство из них являются «докритическими», то есть в нашей метафоре соответствуют реакторам, размер которых меньше критического. Когда подобному разуму представлена идея, то в ответ выдается в среднем менее одной идеи. Лишь незначительное их число относится к сверхкритическим. Если подобному разуму предложить идею, то может возникнуть целая «теория», состоящая из вторичных, третичных и более опосредованных идей. Разум различных животных определенно кажется докритическим. Придерживаясь этой аналогии, мы задаемся вопросом: «Можно ли создать сверхкритическую машину?»⁴⁵

Безусловно, мы все знаем, чего стоят эти докритические разумы! Что было бы с критикой, если бы она могла ассоциироваться с *большим*, а не с *меньшим*, с *умножением*, а не с *вычитанием*? Критическая теория давно мертва; можем ли мы снова стать критиками в том смысле, который вкладывает в этот термин Тьюринг? То есть генерировать больше идей, чем получили, наследовать престижной критической традиции, но не позволять ей прерваться или «впасть в состояние покоя», как рояль, к которому больше не притрагиваются? Для этого нам бы потребовалось, чтобы все сущности, включая компьютеры, перестали быть объектами, которые определяются только в терминах ввода и вывода, и снова стали бы вещами — посредниками, собирающими и объединяющими гораздо большее количество складок, чем в «единой четверице». Если это станет возможным, то критикам мож-

45. Turing A. M. Computing Machinery and Intelligence // Mind. 1950. Vol. 59. № 236. P. 454. (В русском переводе последняя, седьмая, часть статьи *Learning Machines* отсутствует. — Прим. ред.).

но будет позволить подобраться еще ближе к столь дорогим для нас вопросам, вызывающим озабоченность, и вот тогда-то, наконец, мы могли бы им сказать: «Да, пожалуйста, затрагивайте их, объясняйте, раскрывайте». И тогда мы навсегда покончили бы с иконоборчеством.

Библиография

- Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: НЛЮ, 2011.
- Галисон П. Часы Эйнштейна, карты Пуанкаре. Империи времени. М.: ИД ВШЭ, 2022.
- Кун Т. Предисловие к английскому переводу // Флек Л. Возникновение и развитие научного факта. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999.
- Латур Б. Надежды конструктивизма // Социология вещей: ст. М.: Территория будущего, 2006. С. 365–389.
- Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: ЕУСПб, 2006.
- Мейссан Т. 11 сентября: чудовищная махинация. М.: Карно, 2003.
- Тьюринг А. М. Вычислительные машины и разум // Хофштадтер Д., Деннет Д. Глаз разума. Фантазии и размышления о самосознании и о душе. М.: Бахрах-М, 2003. С. 47–60.
- Хайдеггер М. Вещь // Время и бытие: ст. и выступ. М.: Республика, 1993. С. 316–326.
- Хофштадтер Д., Деннет Д. Глаз разума. Фантазии и размышления о самосознании и о душе. М.: Бахрах-М, 2003.
- A House Built on Sand: Exposing Postmodernist Myths About Science / K. Noretta (ed.). N.Y.: Oxford University Press, 1998.
- A Republican Kyoto // Wall Street Journal. 08.04.2003. P. A14.
- Ashmore M., Edwards D., Potter J. The Bottom Line: The Rhetoric of Reality Demonstrations // Configurations. 1994. Vol. 2. № 1. P. 1–14.
- Baudrillard J. “The Spirit of Terrorism” and “Requiem for the Twin Towers”. N.Y.: Verso, 2002.
- Bush W. G. The Space Shuttle “Columbia” Tragedy Speech to the Nation // American Rhetoric. 01.02.2003. URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/gwbushcolumbia.html>.
- Cantwell B. S. On the Origin of Objects. Cambridge, MA: MIT Press, 1997.
- Daston L., Park K. Wonders and the Order of Nature, 1150–1750. N.Y.: Zone Books, 1998.
- De Zengotita T. Common Ground: Finding Our Way Back to the Enlightenment // Harper’s. 2003. № 306 P. 35–45.
- Despret V. Quand le loup habitera avec l’agneau. P.: les Empêcheurs de penser en rond, 2002.
- Ehrlich P. R., Ehrlich A. H. Betrayal of Science and Reason: How Anti-Environmental Rhetoric Threatens Our Future. Washington, DC: Island Press, 1997.
- Environmental Word Games // New York Times. 15.03.2003. P. A16.
- Fox-Keller E. The Century of the Gene. Cambridge, MA: MIT Press, 2000.

- Hacking Y. *The Social Construction of What?* Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999.
- Harman G. *Tool-Being: Heidegger and the Metaphysics of Objects*. Chicago: Open Court, 2002.
- Heidegger M. *What Is a Thing?* Chicago: Henry Regnery Company, 1967.
- Hodges A. *Alan Turing: The Enigma*. N.Y.: Vintage Books, 1983.
- Iconoclash: *Beyond the Image Wars in Science, Religion and Art* / B. Latour, P. Weibel (eds). Cambridge, MA: MIT Press, 2002.
- Kupiec J.-J., Sonigo P. *Ni Dieu ni gène: pour une autre théorie de l'hérédité*. P.: Le Seuil, 2000.
- Latour B. *Gabriel Tarde and the End of Social // The Social in Question*. New Bearings in History and the Social Sciences / P. Joyce (ed.). L.: Routledge, 2002. P. 117–132.
- Latour B. *Jubiler ou les tourments de la parole religieuse*. P.: Les empêcheurs de penser en rond, 2002.
- Latour B. *La fabrique du droit: Une Ethnographie du Conseil d'État*. P.: La Découverte, 2002.
- Latour B. *Pandora's Hope: Essays on the Reality of Science Studies*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999.
- Latour B. *Politics of Nature: How to Bring the Sciences Into Democracy*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004.
- Latour B. *Why Critique Run Out of Steam? From Matters of Fact to Matters of Concern // Critical Inquiry*. 2004. Vol. 30. № 2. P. 235–248.
- Licoppe C. *La Formation de la pratique scientifique: Le Discours de l'expérience en France et en Angleterre (1630–1820)*. P.: La Découverte, 1996.
- Paumgarten N. *Dept. of Super Slo-Mo: No Flag on the Play // The New Yorker*. 20.01.2003. P. 32.
- Pickering A. *The Mangle of Practice: Time, Agency, and Science*. Chicago: University of Chicago Press, 1995.
- Picturing Science, Producing Art* / C. A. Jones, P. Galison, A. Slaton (eds). N.Y.: Psychology Press, 1998.
- Pietz W. *The Problem of the Fetish, I // Res*. 1985. № 9. P. 5–17.
- Pietz W. *The Problem of the Fetish, II: The Origin of the Fetish // Res*. 1987. № 13. P. 23–45.
- Pietz W. *The Problem of the Fetish, IIIa: Bosman's Guinea and the Enlightenment Theory of Fetishism // Res*. 1988. № 16. P. 105–123.
- Poovey M. A. *History of the Modern Fact: Problems of Knowledge in the Sciences of Wealth and Society*. Chicago: University of Chicago Press, 1999.
- Powers R. *Galatea 2.2*. N.Y.: Farrar, Strauss and Giroux, 1995.
- Powers R. *Plowing in the Dark*. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2000.
- Primate Encounters: Models of Science, Gender and Society* / S. Strum, L. Fedigan (eds). Chicago: The University of Chicago Press, 2000.
- Rothman B. *Ad Infinitum: The Ghost in Turing's Machine: Taking God Out of Mathematics and Putting the Body Back*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1993.
- Serres M. *Statues: le Second livre des fondations*. P.: Editions François Bourin, 1987.
- Serres M., Latour B. *Conversations on Science, Culture and Time*. Ann Arbor, MI: The University of Michigan Press, 1995.
- Stengers I. *Penser avec Whitehead: Une libre et sauvage création de concepts*. P.: Seuil, 2002.

- Thomas Y. Res, chose et patrimoine. Note sur le rapport sujet-objet en droit romain // Archives de philosophie du droit. 1980. T. 25. P. 413–426.
- Turing A. M. Computing Machinery and Intelligence // Mind. 1950. Vol. 59. № 236. P. 433–460.
- Waters L. Enemies of Promise: Publishing, Perishing, and the Eclipse of Scholarship. Chicago, IL: Prickly Paradigm Press, 2004.
- Whitehead A. N. The Concept of Nature. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1920.

WHY CRITIQUE RUN OUT OF STEAM? FROM MATTERS OF FACT TO MATTERS OF CONCERN

BRUNO LATOUR (1947–2022). French anthropologist, philosopher and sociologist.

Keywords: social constructivism; realism in science studies; production of facts; revisionism; conspiracy theories; climate negationism.

This article proposes a revision of the notion of critique developed in the social sciences at the beginning of the twenty-first century. Bruno Latour suggests that criticism has largely lost its explanatory potential and has become an obstacle to responding to new challenges and threats. He suggests a radical revision of both the instruments and targets of critical analysis while observing the emergence of the “instant revisionism” phenomenon with its pseudo-critical analysis that challenges the facts established by science or jurisprudence, thus imitating the procedures of the sociology of science that Latour, himself, extensively used in his work of the eighties and nineties. He equally signalizes the transformation of critical procedures from an attribute of elitist academic culture to a key element of the conspiracy theories that have proliferated with the advent of social media and alternative information sources.

Latour emphasizes that conspiracy theories and “instant revisionism” have become instruments in the hands of political forces challenging the established scientific consensus on the key role of anthropogenic factors in climate change. Simultaneously, he disapproves of returning to the pre-critical realism that does not consider the complex procedure of the “production” of facts, which does not amount to so-called “social constructivism.” To overcome this crisis, Latour proposes a gradual transition from the outdated notion of “facts” to a new concept, “matters of concern.” This new approach will account for the complex procedure of producing new entities and the interactions of human and non-human actors. Meanwhile, it will enable the recognition of the irrelevance of objections to already established states of affairs and adopt an authentic realist attitude that combines the virtues of critical methodology and the new pragmatism.

DOI: 10.17323/0869-5377-2023-5-29-61

References

- A *House Built on Sand: Exposing Postmodernist Myths About Science* (ed. K. Noretta), New York, Oxford University Press, 1998.
- A Republican Kyoto. *Wall Street Journal*, April 8, 2003, p. A14.
- Ashmore M., Edwards D., Potter J. The Bottom Line: The Rhetoric of Reality Demonstrations. *Configurations*, 1994, vol. 2, no. 1, pp. 1–14.
- Baudrillard J. “*The Spirit of Terrorism*” and “*Requiem for the Twin Towers*”, New York, Verso, 2002.
- Boltanski L., Chiapello E. *Novyi dukh kapitalizma* [Le nouvel esprit du capitalisme], Moscow, NLO, 2011.
- Bush W.G. The Space Shuttle “Columbia” Tragedy Speech to the Nation. *American Rhetoric*, February 1, 2003. Available at: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/gwbushcolumbia.html>.
- Cantwell B.S. *On the Origin of Objects*, Cambridge, MA, MIT Press, 1997.
- Daston L., Park K. *Wonders and the Order of Nature, 1150–1750*, New York, Zone Books, 1998.

- De Zengotita T. Common Ground: Finding Our Way Back to the Enlightenment. *Harper's*, 2003, no. 306, pp. 35–45.
- Despret V. *Quand le loup habitera avec l'agneau*, Paris, les Empêcheurs de penser en rond, 2002.
- Ehrlich P. R., Ehrlich A. H. *Betrayal of Science and Reason: How Anti-Environmental Rhetoric Threatens Our Future*, Washington, DC, Island Press, 1997.
- Environmental Word Games. *New York Times*, March 15, 2003, p. A16.
- Fox-Keller E. *The Century of the Gene*, Cambridge, MA, MIT Press, 2000.
- Galison P. *Chasy Einshteina, karty Puankare. Imperii vremeni* [Einstein's Clocks, Poincare's Maps. Empires Of Time], Moscow, HSE Publishing House, 2022.
- Hacking Y. *The Social Construction of What?* Cambridge, MA, Harvard University Press, 1999.
- Harman G. *Tool-Being: Heidegger and the Metaphysics of Objects*, Chicago, Open Court, 2002.
- Heidegger M. Veshch' [Das Ding]. *Vremia i bytie: st. i vystup.* [Zeit und Sein], Moscow, Respublika, 1993, pp. 316–326.
- Heidegger M. *What Is a Thing?* Chicago, Henry Regnery Company, 1967.
- Hodges A. *Alan Turing: The Enigma*, New York, Vintage Books, 1983.
- Hofstadter D., Dennet D. *Glaz razuma. Fantazii i razmyshleniia o samosoznanii i o dushe* [The Mind's I: Fantasies and Reflections on Self and Soul], Moscow, Bakhrakh-M, 2003.
- Iconoclash: Beyond the Image Wars in Science, Religion and Art* (eds B. Latour, P. Weibel), Cambridge, MA, MIT Press, 2002.
- Kuhn Th. Predislovie k angliiskomu perevodu [Foreword to the English Translation]. In: Fleck L. *Vozniknovenie i razvitie nauchnogo fakta* [Entstehung und Entwicklung einer wissenschaftlichen Tatsache], Moscow, Ideia-Press, Dom intellektual'noi knigi, 1999.
- Kupiec J.-J., Sonigo P. *Ni Dieu ni gène: pour une autre théorie de l'hérédité*, Paris, Le Seuil, 2000.
- Latour B. Gabriel Tarde and the End of Social. *The Social in Question. New Bearings in History and the Social Sciences* (ed. P. Joyce), London, Routledge, 2002, pp. 117–132.
- Latour B. *Jubiler ou les tourments de la parole religieuse*, Paris, Les empêcheurs de penser en rond, 2002.
- Latour B. *La fabrique du droit: Une Ethnographie du Conseil d'État*, Paris, La Découverte, 2002.
- Latour B. Nadezhdy konstruktivizma [The Promises of Constructivism]. *Sotsiologiya veshchei: sb. st.* [Sociology of Things: Collection of Articles] (ed. V. Vakhshayn), Moscow, Territoria budushchego, 2006, pp. 365–389.
- Latour B. *Novogo vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoi antropologii* [Nous n'avons jamais été modernes: Essai d'anthropologie symétrique], Saint Petersburg, EUPRESS, 2006.
- Latour B. *Pandora's Hope: Essays on the Reality of Science Studies*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 1999.
- Latour B. *Politics of Nature: How to Bring the Sciences Into Democracy*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 2004.
- Latour B. Why Critique Run Out of Steam? From Matters of Fact to Matters of Concern. *Critical Inquiry*, 2004, vol. 30, no. 2, pp. 235–248.
- Licoppe C. *La Formation de la pratique scientifique: Le Discours de l'expérience en France et en Angleterre (1630–1820)*, Paris, La Découverte, 1996.

- Meyssan Th. *11 sentiabria: chudovishchnaia makhinatsiia* [11 septembre 2001: L'Effroyable imposture], Moscow, Karno, 2003.
- Paumgarten N. Dept. of Super Slo-Mo: No Flag on the Play. *The New Yorker*, January 20, 2003, p. 32.
- Pickering A. *The Mangle of Practice: Time, Agency, and Science*, Chicago, University of Chicago Press, 1995.
- Picturing Science, Producing Art* (eds C. A. Jones, P. Galison, A. Slaton), New York, Psychology Press, 1998.
- Pietz W. The Problem of the Fetish, I. *Res*, 1985, no. 9, pp. 5–17.
- Pietz W. The Problem of the Fetish, II: The Origin of the Fetish. *Res*, 1987, no. 13, pp. 23–45.
- Pietz W. The Problem of the Fetish, IIIa: Bosman's Guinea and the Enlightenment Theory of Fetishism. *Res*, 1988, no. 16, pp. 105–123.
- Poovey M. A. *History of the Modern Fact: Problems of Knowledge in the Sciences of Wealth and Society*, Chicago, University of Chicago Press, 1999.
- Powers R. *Galatea 2.2*, New York, Farrar, Strauss and Giroux, 1995.
- Powers R. *Plowing in the Dark*, New York, Farrar, Straus and Giroux, 2000.
- Primate Encounters: Models of Science, Gender and Society* (eds S. Strum, L. Fedigan), Chicago, The University of Chicago Press, 2000.
- Rothman B. *Ad Infinitum: The Ghost in Turing's Machine: Taking God Out of Mathematics and Putting the Body Back*, Stanford, CA, Stanford University Press, 1993.
- Serres M. *Statues: le Second livre des fondations*, Paris, Editions François Bourin, 1987.
- Serres M., Latour B. *Conversations on Science, Culture and Time*, Ann Arbor, The University of Michigan Press, 1995.
- Stengers I. *Penser avec Whitehead: Une libre et sauvage création de concepts*, Paris, Seuil, 2002.
- Thomas Y. *Res, chose et patrimoine. Note sur le rapport sujet-objet en droit romain. Archives de philosophie du droit*, 1980, vol. 25, pp. 413–426.
- Turing A. M. Computing Machinery and Intelligence. *Mind*, 1950, vol. 59, no. 236, pp. 433–460.
- Turing A. M. Vychislitel'nye mashiny i razum [Computing Machinery and Intelligence]. In: Hofstadter D., Dennet D. *Glaz razuma. Fantazii i razmysleniia o samosoznanii i o dushe* [The Mind's I: Fantasies and Reflections on Self and Soul], Moscow, Bakhrahk-M, 2003, pp. 47–60.
- Waters L. *Enemies of Promise: Publishing, Perishing, and the Eclipse of Scholarship*, Chicago, IL, Prickly Paradigm Press, 2004.
- Whitehead A. N. *The Concept of Nature*, Cambridge, UK, Cambridge University Press, 1920.